

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОЙНА МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ФРАНЦІЕЙ.

Конвенція 28-го января.—Положеніе Парижа передъ сдачею.—Занятіе парижскихъ фортвъ германскими войсками.—Положеніе Франціи послѣ капитуляціи и расположеніе французскихъ и германскихъ войскъ.—Послѣдній періодъ дѣйствій на юговосточномъ театрѣ войны; переходъ французской арміи въ Швейцарію и паденіе Бельфора.—Выборы въ народное собраніе.—Тьеръ и его программа.—Предварительныя условія мира.—Ветупленіе германцевъ въ Парижъ.—Заключеніе.

Сущность конвенціи, заключенной 16-го (28-го) января, между графомъ Бисмаркомъ и Жюлемъ Фавромъ, о которой вскользь было упомянуто въ обзорѣнн за прошлый мѣсяць, заключается въ слѣдующемъ.

Первая статья договора опредѣляетъ самый характеръ перемирія, его начальный и конечный срокъ, а также утвержденныя для арміи воюющихъ сторонъ демаркаціонныя линіи. Перемиріе было распространено на сухопутныя и морскія силы и вступало въ дѣйствіе для Парижа со дня подписанія договора, а для провинцій черезъ три дня; продолжительность его была опредѣлена первоначально въ 21 день. Втеченіе этого періода войска должны были оставаться въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ, причемъ демаркаціонная линія проходила отъ Понъ-Левекъ (деп. Кальвадосъ), между Вріусъ и Фремантель, на Линьеръ (деп. Майенъ), а оттуда слѣдовала по границѣ между этимъ послѣднимъ департаментомъ и департаментами Орнъ и Сарты до Мораннъ, и затѣмъ шла на востокъ до Карре-ле-Томбъ, гдѣ сходятся границы департаментовъ Ньверъ, Юннъ и Котъ-Доръ. Такимъ образомъ департаменты: Сарты, Эндра и Луары, Луара и Шера, Луаре и Юннъ оставались занятыми германскими войсками; что же касается дальнѣйшаго продолженія демаркаціонной линіи отъ Карре-ле-Томбъ, черезъ департаменты Котъ-Доръ, Дубса и Юры, то

окончательное опредѣленіе ея было отложено въ виду продолжавшихся на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Крѣпости Лангръ и Живе окружены демаркаціонною линіею, радіусъ которой равняется 10 километрамъ; полуостровъ, на которомъ лежитъ Гавръ, отдѣленъ отъ мѣстности, занятой германскими войсками, линіею идущею отъ Этрета на С. Ромень.

Вторая статья опредѣляетъ цѣлью перемирія собраніе въ Бордо народныхъ представителей для рѣшенія вопроса о заключеніи мира.

Третья статья касается передачи германскимъ войскамъ всѣхъ передовыхъ укрѣпленій Парижа съ вооруженіемъ и прочимъ военнымъ матеріаломъ; пространство между городской оградой и линіею аванпостовъ германцевъ остается незанятымъ. Слѣдующими статьями постановляется, что германскія войска не вступать въ Парижъ въ продолженіе перемирія, что городская ограда должна быть обезоружена и лафеты переданы германцамъ; гарнизонъ Парижа (линейныя войска, подвижная гвардія и морскія части) остается въ городѣ военноопытнымъ и выдаетъ оружіе; всѣ отряды вольныхъ стрѣлковъ немедленно распускаются; что же касается національной гвардіи, то она остается при оружіи для поддержанія порядка въ городѣ.

Ввозъ продовольствія разрѣшается, съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ скоро послѣдуетъ передача фортовъ, обезоруженіе городской ограды и парижской арміи. Наконецъ послѣднія статьи конвенціи касаются подробностей относительно наложенной на столицу контрибуціи въ 200 миліоновъ франковъ.

Нелегки были условія этого договора, отдававшего Парижъ въ руки побѣдителя. Съ занятіемъ фортовъ и надвигающимъ перевооруженіемъ ихъ, съ обезоруженіемъ его ограды и арміи, Парижъ, самъ по себѣ, ничего уже не могъ предпринять противъ непріятеля серьезнаго и имѣющаго хотя казіе-нибудь шансы на успѣхъ.

Какъ ни жалко положеніе, въ которомъ оказался этотъ многолюдный, гордый, кипучій жизнью и всякаго рода дѣятельностію городъ, какъ глубоко ни печально замираніе этого «сердца Франціи» подъ ударомъ противника, тѣмъ не менѣе нужно отдать справедливость Парижу: онъ палъ съ честью. Этого не отнять у него ни неудачныя вылазки послѣднихъ дней осады, ни та деморализація, которая мало по малу начинала овладѣвать его войсками. Передъ нами цѣлый рядъ корреспонденцій, писанныхъ людьми всевозможныхъ взглядовъ и направленій: тутъ есть и восторженные панегирики героизму парижанъ, и есть рассказы, въ которыхъ на каждомъ шагѣ слышится хладнокровное недоброжелательство и возмутительная насмѣшка; но

всѣ они согласуются въ одномъ, что городъ былъ истощенъ окончательно, что не только военныя неудачи парижскихъ войскъ и арміи дѣйствовавшихъ внѣ его, не одинъ огонь осадныхъ батарей принудилъ городъ сдаться, но что самою могущественною причиною паденія Парижа является голодъ, который съ каждымъ днемъ принималъ все болѣе и болѣе грозныя размѣры и который населеніемъ уже давно переносился съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ и покорностію.

Въ подтвержденіе справедливости того, что недостатокъ продовольствія былъ такъ великъ, что долженъ быть признанъ главною причиною сдачи, приведемъ нѣкоторыя данныя относительно продовольственныхъ средствъ, которыми располагали парижане въ послѣднее время осады и въ моментъ капитуляціи.

При обложеніи Парижа никто не предполагалъ, что оно можетъ продолжаться болѣе 6-ти или 7-ми недѣль. Когда, 8 сентября, правительственное объявленіе удостовѣряло жителей, что запасы достаточны для обезпеченія продовольствія двухмилліоннаго населенія въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, то, по всей вѣроятности, оно скорѣе преувеличивало количество продовольствія, въ видахъ успокоенія жителей, и, разумѣется, нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы въ Парижѣ имѣлось и качественно, и количественно вполне удовлетворительнаго продовольствія болѣе чѣмъ на этотъ срокъ. Между тѣмъ, съ того времени прошло не два, а четыре мѣсяца и двадцать дней; понятно, слѣдовательно, каково должно было быть положеніе парижанъ, чѣмъ только имъ не приходилось питаться, къ какимъ отвратительнымъ суррогатамъ не прибѣгать и до какого невѣроятно малаго количества дѣйствительно здоровой и питательной пищи не уменьшить свою ежедневную порцію, чтобы съ запасами, которыхъ едва могло хватить на два, продержаться почти пять мѣсяцевъ.

Парижъ держался до послѣдняго куска хлѣба, все еще надѣясь на успѣхъ арміи Шанси и Федерба; 27-го января, т. е. почти въ ту минуту, когда вѣсть о пораженіяхъ, понесенныхъ этими генералами, успѣла облетѣть огорченный и изнемогающій городъ, оставалось въ магазинахъ не болѣе 42,000 метрическихъ центнеровъ пшеницы, ячменю, ржи, овса и рису, что соответствуетъ 35,000 центнерамъ муки. Въ этомъ числѣ находилось до 17,000 центнеровъ пшеницы и рису, предоставленныхъ военнымъ начальствомъ для удовлетворенія нуждъ населенія; войскамъ же оставалось продовольствія не болѣе какъ на 10 дней.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда было приступлено къ переговорамъ о сдачѣ. Въ обыкновенное время Парижъ раско-

дуетъ ежедневно около 8,000 центнеровъ муки, или до 2,000,000 фунтовъ хлѣба; съ 22-го же сентября и по 18 января это количество муки было уменьшено до 6,300 центнеровъ въ сутки, а послѣ 18-го января до 5,300 центнеровъ. Основываясь на этомъ расчетѣ, городъ могъ еще продовольствоваться около семи дней; прибавивъ къ этому дневную пропорцію муки, уже розданную въ хлѣбопекарни, и предположивъ, что строжайшая реквизиція частныхъ запасовъ могла дать продовольствія еще на три или четыре дня, мы убѣждаемся, что въ ту минуту, когда начаты были переговоры, городъ могъ просуществовать съ трудомъ 12 дней. Ясно, что далье нельзя было откладывать дѣла, нельзя было вступать въ переговоры только тогда, когда послѣдняя порція хлѣба была съедена и жалѣйшее промедленіе въ подвозахъ угрожало голодною смертію.

Что касается мяса, то въ послѣднее время, какъ извѣстно, парижане должны были довольствоваться ничтожнымъ количествомъ конины (25—30 граммовъ въ сутки). О крысахъ, собакахъ и проч. нечего и говорить: ихъ было и мало и, наконецъ, они были дороги, и для массы-населенія положительно недоступны.

Голодъ главнымъ образомъ, а также недостатокъ топлива породили страшную смертность въ населеніи, въ особенности между дѣтьми; въ началѣ января умирало до 5,000 ч. въ недѣлю, а въ концѣ до 6,000 человекъ, что на двухмиллионное населеніе составляетъ около 15, 6‰, въ годъ.

Приведенныя выше цифры достаточно убѣдительно и прямо указываютъ на главную и существенную причину сдачи; что же касается бомбардированія, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, на первыхъ порахъ не замедлило повліять на умы населенія; но вредъ, нанесенный непосредственно городу и жителямъ, въ такой степени ничтоженъ сравнительно съ бѣдствіями голода, что оно едва-ли могло имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ дѣла.

Согласно конвенціи, французскія войска, утромъ 17/29 января, очистили форты, которые были заняты ближайшими къ нимъ частями войскъ осаждающихъ. Монъ-Валеріонъ и всѣ укрѣпленія къ западу отъ Парижа были заняты частями 5-го корпуса, которые выдвинули свои аванпосты непосредственно до лѣваго берега Сены. На южномъ фронтѣ, фортъ Исси былъ занятъ 11-мъ прусскимъ, форты Ванвръ и Монружъ 2-мъ баварскимъ, Бисетръ и Иври—6-мъ прусскимъ и Шарантонъ 2-мъ баварскимъ корпусами; аванпосты этихъ частей тянулись отъ сѣверной оконечности острова Сенъ-Жерменъ на востокъ, за желѣзную дорогу ведущую въ Орлеанъ. На восточномъ фронтѣ, ре-

дуть Гравель и де-ла-Фезандери были заняты виртембергскою дивизію; далѣе къ сѣверу 12-й корпусъ занималъ укрѣпленія на М. Авронѣ и форты: Ножанъ, Росни, Нуази и Роменвиль; линія аванпостовъ на этомъ фронтѣ начиналась у слиянія Марны и Сены, проходила мимо деревни Шарантонъ и, пересѣкая венсенскій лѣсъ, оканчивалась у пантенской дороги. На сѣверъ отъ Парижа форты Добервилье и Лэ были заняты частями прусскаго гвардейскаго корпуса, а Дубль-Куропъ и ла-Бришь 4-мъ корпусомъ. Аванпосты этихъ частей были расположены шаговъ на 700 къ юго-западу отъ форта Обервилье, вдоль южной окраины деревни того же имени и по каналу Сень-Дени и далѣе до Сены.

Посмотримъ теперь въ какомъ положеніи находилась вся оставшая Франція во время введенія въ дѣйствіе условій конвенціи 16/28 января.

Германскія войска занимали изъ 86 департаментовъ—25, или, вѣрнѣе, 28, если прибавить департаменты Верхней Саоны, Котъ-Доръ и Дубса, фактически занятые южною арміею генерала Мантейфеля. Къ сѣверу отъ Парижа находились слѣдующія французскія войска: армія генерала Федерба, сильно разстроенная во всѣхъ отношеніяхъ и ослабленная громадными потерями, занимала департаменты Па-де-Кале и Сѣверный и имѣла передъ собою 1-ю германскую армію генерала Гебена, занимавшую департаменты Соанны и Нижней Сены до самаго моря, исключая самой западной оконечности Гаврскаго полуострова, гдѣ оставался французскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Лойзеля, а противъ него стояли у Руана части 13 корпуса великаго герцога Мекленбургскаго, который, послѣ сраженія при Лемансѣ, былъ отдѣленъ отъ 2-й арміи.

Въ западной Франціи находилась, еще болѣе разстроенная и еще болѣе пострадавшая въ послѣдній періодъ войны, армія генерала Шанзи, противъ которой были сосредоточены, на Сартѣ и Луарѣ, войска принца Фридриха Карла.

Въ Буржѣ стоялъ 25-й французскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Мазаръ, о которомъ болѣе подробныхъ свѣдѣній не имѣется.

Что касается юго-восточнаго театра войны, то тамъ разыгрывался послѣдній актъ кровавой борьбы отступавшей арміи Кленшана, бывшей Бурбаки, которая, какъ извѣстно, въ числѣ 1,788 офицеровъ и 79,989 человекъ нижнихъ чиновъ, перешла границу и, въ концѣ изнуренная и почти умирая отъ голода, сложила оружіе на швейцарской территоріи. О бѣдствіяхъ этого отступленія въ настоящее время уже имѣется масса корреспонденцій, описанія которыхъ превосходятъ

все, что только можно себѣ представить о подобныхъ катастрофахъ: безъ продовольствія, плохо одѣтые и отчасти совершенно безъ обуви, несчастнымъ войскамъ приходилось двигаться въ трескучіе морозы по глубокимъ снѣгамъ, въ горной странѣ, представляющей, и въ болѣе благоприятное время года, немалыя затрудненія для движенія.

Недостатокъ достовѣрныхъ и обстоятельныхъ французскихъ источниковъ рѣшительно лишаетъ насъ возможности разяснить причины тѣхъ страшныхъ ударовъ, которые разразились надъ арміею Бурбаки. Не возвращаясь слишкомъ далеко назадъ, остановимся на послѣднемъ періодѣ дѣйствій этой арміи, когда войска Мантейфеля и Вердера одновременно угрожали ей флангамъ. Еще ¹⁴/₂₆ января рѣшительное движеніе Бурбаки на Сенъ-Витъ и Доэль, съ цѣлью соединиться съ войсками Гарибальди, не могло не имѣть успѣха. Главная квартира его находилась въ то время въ Гуланъ-Еглизъ, всего верстахъ въ 10 къ сѣверо-востоку отъ Безансона, и онъ имѣлъ противъ себя не болѣе двухъ непріятельскихъ корпусовъ. Рѣшительное наступательное движеніе тѣмъ болѣе должно было имѣть успѣхъ, что 26-го числа правому флангу войскъ Бурбаки еще не угрожала непосредственная опасность, такъ какъ корпусъ Вердера только на другой день успѣлъ перейти Эль у Понъ-де-Руадъ. Къ сожалѣнію, удобная минута была пропущена и французамъ тогда не оставалось ничего другаго дѣлать, какъ искать спасенія на нейтральной территоріи Швейцаріи, жители которой съ полнымъ самоотверженіемъ поспѣшили на помощь больнымъ, рапенымъ и голоднымъ солдатамъ вогезской арміи, на которую Франція возлагала такія блестящія надежды.

Извѣстіе о смерти Бурбаки, сообщенное нами въ предъидущемъ обзорѣніи по первымъ телеграммамъ, оказывается невѣрнымъ: Бурбаки, дѣйствительно пытавшійся лишить себя жизни, не успѣлъ въ этомъ и въ настоящее время почти оправился отъ раны, которую онъ себѣ нанесъ изъ пистолета.

Извѣстно, что войскамъ Гарибальди и Дессоля и небольшой части арміи Бурбаки удалось избѣгнуть непріятельскаго обхода и отступить. Гарибальдійцы распущены и самъ предводитель ихъ возвратился на Капреру.

Отдѣльнымъ эпизодомъ на восточномъ театрѣ войны является осада и капитуляція Бельфора.

Обложеніе этой крѣпости началось еще 3-го ноября частями сформированной въ Штетинѣ 1-й ландверной дивизіи генерала Трескова. Французы произвели 16-го ноября, 3-мя баталіонами съ 6-ю орудіями, вылазку, которая была отбита, причѣмъ они потеряли до 200 чел.

убитыми и ранеными и 60 чел. плѣнныхъ; вторая вылазка, 23-го числа, была также неудачна, и французы лишились нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ позицій близъ крѣпости. Осаждающіе утвердились въ Вальдоа, Краваншъ, Офемонъ и Ветренжъ, отчего обложеніе сдѣлалось тѣснѣе. Въ постройкѣ осадныхъ батарей и траншей и ложементовъ было приступлено 3-го декабря. Первоначально бомбардированіе было открыто съ западной стороны, съ батарей расположенныхъ на высотахъ между Эссеръ и Бавилле, но не имѣло успѣха, что обнаружило необходимость овладѣть вершинами Першъ, лежащими шаговъ на 1800 къ юго-востоку отъ цитадели. Въ ночь съ 7-го на 8-е января, осаждающимъ удалось овладѣть штурмомъ дер. Данжутенъ, причемъ французы потеряли одними ранеными плѣнными 18 офицеровъ и 700 нижнихъ чиновъ; 20-го же числа была взята штурмомъ дер. Перузъ. Занятіе этихъ двухъ важныхъ позицій дало осаждающимъ возможность открыть въ ночь съ 21-го на 22-е января, на линіи между Данжутенъ и Перузъ, свои осадныя работы противъ высотъ Першъ.

Съ этого времени начинается послѣдній, самый трудный періодъ осады; производство инженерныхъ работъ было сопряжено съ большими затрудненіями, которыя увеличивались отъ неблагоприятнаго времени года и самыхъ свойствъ почвы. Между тѣмъ осадныя работы успѣли подвинуться на столько, что германцы рѣшились, 27-го января, штурмовать высоты, но были отбиты съ урономъ; наконецъ 8-го февраля оба укрѣпленія на высотахъ Першъ были взяты осаждающими, что дало возможность обстрѣливать цитадель крѣпости и другіе форты, лежавшіе до того внѣ сферы огня осадныхъ батарей.

Крѣпость, оборонявшаяся все время съ замѣчательною энергіею, принуждена была, наконецъ, капитулировать и сдалась $\frac{4}{16}$ февраля; храброму гарнизону, численностью около 12,000 чел., предоставленъ свободный выходъ съ оружіемъ и багажемъ и съ военными почетомъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась Франція въ началѣ февраля; около 3,000 квадратныхъ миль, съ 14-миліоннымъ населеніемъ, платившимъ около 77 миліоновъ поземельнаго налога, находились въ рукахъ непріятеля; страна была лишена, слѣдовательно, средствъ, дѣлой трети своего пространства и помощи, болѣе чѣмъ трети, своего населенія; при этомъ нужно помнить, что въ рукахъ германцевъ находились самыя производительныя, богатые и густо-населенныя области, въ которыхъ были сосредоточены также главныя оборонительныя и другія военныя средства края. Была ли возможна дальнѣйшая

борьба при такомъ, по истинѣ, отчаянномъ положеніи дѣлъ и не заслуживаютъ ли подлѣйшаго признанія тѣ лица временнаго правительства, которыя, честно и трезво взглянувъ на обстоятельства и сознавая, что дальнѣйшая борьба только окончательно погубитъ Францію и на долгіе годы отложить возстановленіе ея прежняго цвѣтущаго состоянія, рѣшились вступить въ переговоры съ побѣдителемъ и привести необходимую жертву, отдавъ въ его руки столицу страны.

Но далеко не вся Франція смотрѣла на положеніе дѣлъ съ этой точки зрѣнія, далеко не всѣ сознавали необходимость покориться силѣ обстоятельствъ и предпочесть тяжелый миръ бесплодному и гибельному сопротивленію, которое ничего хорошаго обѣщать не могло.

Въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ театра войны, въ особенности на югѣ, въ большихъ городахъ, извѣстіе о капитуляціи Парижа было принято съ негодованіемъ и произвело волненія. Гамбета обратился 31-го января къ народу съ прокламаціей, въ которой онъ взываетъ къ патриотизму націи и указываетъ на мѣры, которыя необходимо принять во время перемирія. Прежде всего онъ считалъ необходимымъ трудиться надъ укомплектованіемъ и реорганизаціей армій, чтобы можно было возобновить ожесточенную борьбу съ большею энергіею, чѣмъ когда либо; затѣмъ онъ приглашаетъ всѣхъ и каждого употребить всѣ усилія, чтобы выборы въ народное собраніе гарантировали надежный и истинно патриотическій составъ его; чтобы миръ былъ возможенъ не иначе, какъ при условіяхъ обезпечивающихъ цѣлость и честь Франціи, и чтобы, въ противномъ случаѣ, представители страны рѣшились на сопротивленіе до послѣдней крайности.

Вслѣдствіе настоянія Гамбеты, правительственная делегация въ Бордо, декретомъ о выборахъ отъ 31-го января, лишила права быть выбранными, въ народное собраніе, всѣхъ прежнихъ министровъ, сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ, префектовъ и другихъ чиновниковъ, а также всѣхъ правительственныхъ кандидатовъ. Въ переговорахъ же, происходившихъ между Жюлемъ Фавромъ и графомъ Бисмаркомъ, полная свобода выборовъ была поставлена непременнымъ условіемъ, выраженнымъ во 2 ст. конвенціи 28 января, гдѣ говорится о собраніи свободно-избранномъ (*une assemblée librement élue*). Ясно, что всякое ограниченіе выборовъ, въ смыслѣ декрета правительственной делегации, должно было возбудить живѣйшій протестъ со стороны германцевъ; но, несмотря на депешу графа Бисмарка, по этому поводу, полученную въ Бордо 3-го февраля, тамошнее правительство объявило, что оно по прежнему поддерживаетъ свой декретъ относительно выборовъ и не допустить непріятеля вышнѣ-

ваться во внутреннія дѣла страны. Недоразумѣнія эти, возникшія въ самомъ началѣ перемирія, могли повести къ весьма серьезнымъ усложненіямъ, тѣмъ болѣе, что въ то время число приверженцевъ Гамбеты было еще весьма значительно и настроеніе умовъ въ южныхъ департаментахъ таково, что нельзя было поручиться за сохраненіе спокойствія и порядка, которые были тогда всего нужнѣе. Парижское правительство, сознавая всю опасность такого положенія, уничтожило 4 февраля декретъ бордоской делегаціи, вслѣдствіе чего Гамбета вышелъ въ отставку; на мѣсто его назначенъ Эмануэль Араго министромъ внутреннихъ дѣлъ и временно завѣдующимъ военнымъ министерствомъ.

Протестъ Гамбеты противъ парижскаго правительства вызвалъ большое волненіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ населенія и прессы. Въ Парижѣ, во всѣхъ почти ялубахъ, воззваніе бывшаго диктатора вооружиться для послѣдняго отчаяннаго сопротивленія было встрѣчено съ восторгомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ днемъ стали раздаваться громче и настойчивѣе голоса умѣренной партіи, той партіи, которая вѣвѣсила шансы уснѣха и, хладнокровно оцѣнивъ положеніе страны, считала, что миръ, хотя бы дорого купленный, необходимъ для Франціи; самые серьезные органы прессы также громко возставали противъ Гамбеты. Настроеніе главной массы населенія выразилось весьма рельефно въ результатахъ выборовъ въ народное собраніе; благодаря дѣятельному участію сельскаго населенія, въ большинствѣ департаментовъ партія умѣренная одержала верхъ.

Между тѣмъ выборы на столько подвинулись, что 12-го февраля, въ 3 часа пополудни, могло быть открыто предварительное засѣданіе народнаго собранія подъ временнымъ предсѣдательствомъ старшаго по лѣтамъ депутата, графа Бенуа д'Ази. На этомъ первомъ засѣданіи присутствовало не болѣе 150 депутатовъ; на слѣдующій день, когда Жюль Фавръ передалъ правительственную власть народному собранію, присутствовало до 300, а 14-го числа до 460 депутатовъ, что дало возможность приступить немедленно къ повѣркѣ выборовъ. Для скорѣйшаго окончанія этого дѣла собраніе рѣшило, не входя въ обсужденіе самаго порядка повѣрки, руководствоваться правилами 1849 года.

Для обезпеченія спокойствія и безопасности собранія были приняты мѣры; передъ входами въ зданіе театра, въ которомъ собираются депутаты, и вдоль галереи, которая его окружаетъ, разставлены орудія и пѣхотныя части; на обширномъ дворѣ префектуры, насупротивъ театра, сосредоточены сильныя отряды линейныхъ войскъ и на-

ціональной гвардіи. Эти мѣры предосторожности были излишними, такъ какъ зданіе собранія постоянно было окружено многочисленною толпою, которая, подстрекаемая агентами радикальной партіи, производила безпорядки и съ криками, бранью и угрозами провожала депутатовъ, извѣстныхъ своимъ умѣреннымъ образомъ мыслей. Пренія въ собраніи первоначально не представляли особеннаго интереса; что же касается состава собранія, относительно его политическихъ оттѣнковъ, которые въ настоящее время уже успѣли выясниться, то въ немъ можно различить пять группъ, а именно: 215 легитимистовъ, 280 орлеанистовъ, которые, въ свою очередь, распадаются еще на три фракціи: орлеанистовъ чистыхъ (purs), умѣренныхъ и робкихъ (timides); 120 умѣренныхъ республиканцевъ; около 50 радикальныхъ республиканцевъ и не болѣе 30 бонапартистовъ.

Хотя все заставляло надѣяться на мирный исходъ дѣла, тѣмъ не менѣе обѣ воюющія стороны принимали всѣ мѣры необходимыя для обезпеченія успѣшнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій на случай ихъ возобновленія; французское правительство издало декретъ о сформированіи нѣкоторыхъ новыхъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ частей; въ особенности дѣятельно производилось вооруженіе на югѣ Франціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подирѣженія французскихъ армій на сѣверѣ и на западѣ людьми и снабженіе ихъ продовольствіемъ и предметами обмундарованія и снаряженія; наконецъ, въ видахъ возможнаго усиленія контингента, были призваны въ оружію класы 1872 года.

Обнаружившаяся въ этомъ направленіи усиленная дѣятельность французовъ была причиною того, что, вслѣдствіе предложенія французскаго правительства о продолженіи срока перемирія, со стороны Германіи послѣдовало согласіе продолжить его не болѣе какъ на пять дней, т. е. до 24-го февраля, съ распространеніемъ на юго-восточный театръ войны.

Въ засѣданіи 17-го февраля большимъ числомъ депутатовъ было внесено и единогласно принято собраніемъ предложеніе о назначеніи Тьера главою исполнительной власти республики, съ тѣмъ, чтобы онъ управлялъ подъ надзоромъ народнаго собранія и составилъ министерство. Въ этотъ же день былъ внесенъ въ собраніе протестъ депутата Келлера, отъ имени представителей Эльзаса и Лотарингіи, противъ отторженія отъ Франціи этихъ областей. Протестъ этотъ былъ переданъ комисіи изъ 15 членовъ, составленной подъ предсѣдательствомъ Тьера, для веденія переговоровъ о мирѣ. Что же касается образованнаго Тьеромъ министерства, то оно состоитъ, главнымъ образомъ, изъ умѣренныхъ республиканцевъ и, частью, изъ прежнихъ при-

верженцевъ конституціонной монархіи. Тьеръ, безъ всякаго сомнѣнія, призванъ къ видной роли въ событіяхъ, которыя должны совершиться: онъ избранъ въ двадцати департаментахъ и получилъ болѣе миліона голосовъ, что ясно указываетъ на заслуженную популярность, которою пользуется маститый старецъ, такъ что едва ли найдется въ цѣлой Франціи человекъ, который могъ бы считаться способнѣе Тьера для исполненія многотрудныхъ обязанностей и несенія той страшной отвѣтственности, которая народное собраніе на него возложило. Составъ избраннаго Тьеромъ министерства слѣдующій: Жюль Фавръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Пикаръ—внутреннихъ дѣлъ, Жюль Симонъ—народнаго просвѣщенія—все три принадлежать къ партіи республиканской; Дюферъ—министръ юстиціи, и Ламбрехтъ—торговли склоняются оба къ орлеанизму, но примирились бы и съ республиканскою формою правленія, если бы она была способна обезпечить спокойствіе и благоденствіе страны; Ларсей—министръ общественныхъ работъ, легитимистъ, пользующійся большимъ значеніемъ въ южной Франціи, является представителемъ старыхъ монархическихъ преданій; наконецъ Лефло назначенъ военнымъ, а Потюю морскимъ министромъ; министромъ финансовъ будетъ, по всей вѣроятности, Бюффе.

Правительство, учрежденное народнымъ собраніемъ въ Бордо, успѣло, несмотря на краткость времени и тревожныя обстоятельства, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать, уже ознаменовать свою дѣятельность нѣкоторыми мѣрами и предложеніями, которыя въ извѣстной степени уже обрисовываютъ его намѣренія и направленіе и даютъ полный поводъ ожидать отъ исполнительной власти много хорошаго для Франціи.

Какъ на одну изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣръ, предложенныхъ правительствомъ, слѣдуетъ указать на предположенныя преобразованія по военному вѣдомству, на основаніи которыхъ нынѣ существующая армія должна быть вся распущена. Контингентъ 1871 будетъ ядромъ новой арміи, воспитанной на новыхъ здоровыхъ началахъ; для того же, чтобы и офицеры вполне соответствовали своему назначенію, предположено подвергать ихъ, при каждомъ повышеніи въ чинъ и при каждомъ назначеніи на новую должность, строгому испытанію. Мудрость этой мѣры бросается въ глаза; ясно, что сотни тысячъ наполеоновской арміи, недостаточны надежныя въ настоящее время для Франціи въ политическомъ отношеніи, нигуда не годятся и въ военномъ. Рядъ пораженій, испытанныхъ ими, сильно расшаталъ и безъ того не очень твердую и болѣе наружную дисциплину, по вѣсь конецъ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, развратилъ продолжительный плѣвъ

и тунеладство. Изъ нихъ никогда уже не выйдетъ, мало малески надежныхъ солдатъ; мало того, они, оставаясь въ арміи, въ конецъ развратили бы свѣжіе контингенты, имѣющіе всѣ задатки къ тому, чтобы, при хорошемъ воспитаніи и обученіи подѣ руководствомъ образованныхъ и преданныхъ своему долгу офицеровъ,¹ сдѣлаться превосходными во всѣхъ отношеніяхъ солдатами. Въ экономическомъ отношеніи роспускъ громаднаго числа людей также весьма важенъ и приведетъ къ существеннымъ сбереженіямъ, которыя Франціи, при настоящемъ печальномъ финансовомъ положеніи, весьма пригодятся.

Съ Тьеромъ во главѣ, правительство должно было употребить всѣ усилія къ возможно скорѣйшему заключенію мира, который, по обстоятельству, не могъ не быть тяжелымъ, но по крайней мѣрѣ освобождалъ страну отъ непріятельскаго нашествія и давалъ возможность употребить средства Франціи на излеченіе ранъ, нанесенныхъ ей гибельною войною.

Въ рѣчи, произнесенной Тьеромъ, 19-го февраля, въ народномъ собраніи, по поводу назначенія его главою исполнительной власти, онъ, между прочимъ, говоритъ, что необходимо заключить миръ, чтобы освободить страну отъ непріятеля и дать ей вздохнуть и собраться съ силами; необходимо вернуть плѣнную армію и образовать новую и болѣе надежную; возстановить порядокъ, уменьшить расходы, достигшіе ужасающихъ размѣровъ, и вновь поднять, если не финансы, которые сильно потрясены и направленіе которыхъ потребуетъ много времени, то, по крайней мѣрѣ, кредитъ. Слѣдуетъ распустить подвижную гвардію, исправить пути сообщенія и дать работникамъ и земледѣльцамъ средства обезпечить свое существованіе. Только тогда, когда все это будетъ выполнено, говоритъ Тьеръ, возможно будетъ приступить къ рѣшенію вопроса о государственномъ устройствѣ Франціи. При такомъ взглядѣ правительства, мирные переговоры не могли себя заставить долго ждать и, дѣйствительно, уже 21-го февраля, Тьеръ, вмѣстѣ съ прочими членами комисіи, уполномоченной вести переговоры, прибылъ въ Парижъ и отправился съ Жюль Фавромъ въ Версаль, гдѣ имѣлъ совѣщаніе съ графомъ Бисмаркомъ, которое привело къ продолженію перемирія, истекшаго, 24-го февраля, еще на два дня. Вообще переговоры шли довольно успѣшно, хотя Тьеръ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы ограничить, по возможности, территоріяльныя уступки Франціи, въ особенности относительно части Лотарингіи съ Мецомъ. Требованіе, чтобы германскія войска вошли въ Парижъ, было также первоначально важнымъ препятствіемъ къ скорѣйшему окончанію дѣла, такъ какъ Тьеръ и его товарищи

видѣли въ этомъ новое и оскорбительное униженіе для столицы, и притомъ опасались серьезныхъ беспорядковъ со стороны населенія. Графъ Бисмаркъ, однако, упорно настаивалъ на своихъ требованіяхъ и согласился, наконецъ, только на уступку Бельфора, чѣмъ значительно подвинулъ переговоры.

Предварительныя условія мира были подписаны 26-го февраля, причемъ перемиріе продолжено до 3-го марта; 28-го числа Тьеръ предложилъ народному собранію слѣдующій проектъ закона.

Народное собраніе, подчиняясь необходимости, за которую оно не можетъ быть ответственнымъ, соглашается принять предварительныя условія мира, подписанныя въ Версалѣ 26-го февраля:

- 1) Франція отказывается вполнѣ, въ пользу Германіи, отъ одной пятой Лотарингіи, со включеніемъ Меца и Тьонвилля, и на Эльзась, кромѣ Бельфора;
- 2) Франція уплачиваетъ пять миллиардовъ франковъ, изъ которыхъ одинъ въ 1871 году, а остальные втеченіе трехъ лѣтъ;
- 3) выводъ войскъ начнется послѣ ратификаціи договора; германскія войска очистятъ тогда Парижъ и различные департаменты, разумѣя въ томъ числѣ большинство лежащихъ въ западной полосѣ. Очищеніе департаментовъ будетъ происходить постепенно послѣ уплаты перваго миллиарда и по мѣрѣ взноса остальныхъ миллиардовъ. На суммы, подлежащія платежу, уплачивается 5⁰/₀, со времени ратификаціи договора;
- 4) германскія войска воздержатся отъ всякихъ реквизицій въ занятыхъ департаментахъ, но содержаніе ихъ должно падать на счетъ Франціи;
- 5) будетъ назначенъ срокъ для жителей присоединенныхъ областей, втеченіе котораго они изберутъ государство, къ которому захотятъ принадлежать;
- 6) военно-плѣнные передаются немедленно;
- 7) открытіе окончательныхъ мирныхъ переговоровъ должно произойти въ Брюсселѣ, послѣ ратификаціи договора;
- 8) управленіе въ занятыхъ департаментахъ ввѣрится французскимъ чиновникамъ, подъ вѣдѣніемъ германскихъ корпусныхъ командировъ;
- 9) настоящій договоръ не касается никакихъ правъ незанятыхъ областей;
- 10) договоръ долженъ быть переданъ на разсмотрѣніе французскаго народнаго собранія.

Затѣмъ собранію былъ заявленъ актъ, регулирующий вступленіе 30,000 германскихъ войскъ въ Парижъ, которымъ, между прочимъ, условлено, что за каждой стороной остается право объявить послѣ 3-го марта перемиріе прекращеннымъ, но враждебныя дѣйствія въ этомъ случаѣ не должны начаться раньше, чѣмъ по истеченіи трехдневнаго срока.

Въ засѣданіи 1-го марта, въ 3 часа пополудни, народное собрание
Т. LXXVIII. Отд. II. 1/8

браніе утвердило предварительныя условія мира, большинствомъ 546 голосовъ противъ 108.

Повуда въ Бордо рѣшался вопросъ о войнѣ и мирѣ, Парижъ находился въ неописанномъ волненіи. Въ населеніи распространился слухъ, что вступленіе прусаковъ произойдетъ въ ночь съ 26-го на 27-е февраля; части національной гвардіи вооружились и, сопровождаемая многочисленною толпою, кинулись къ Пасси, чтобы воспрепятствовать вступленію непріятельскихъ войскъ. Но, мало по малу, по городу разошлась вѣсть, что вступленіе германцевъ отложено, и толпы стали расходиться; голосъ благоразумныхъ гражданъ и прессы, которая, не исключая и самыхъ радикальныхъ органовъ, взывала къ спокойствію и доказывала необходимость подчиниться силѣ обстоятельствъ, не замедлилъ успокоить умы, такъ что 28-го числа положеніе дѣлъ было таково, что не возбуждало серьезныхъ опасеній. Правительство, въ свою очередь, приняло мѣры для поддержанія порядка и предотвращенія волненія во время нахождения прусскихъ войскъ въ Парижѣ, которыя могли бы привести къ страшной катастрофѣ. До десяти баталіоновъ національной гвардіи, на которые можно было положиться, были предназначены для поддержанія порядка и предупрежденія всякаго столкновенія между населеніемъ и непріятельскими войсками; 109 и 110 линейные полки заняли ратушу (hôtel de ville). Наканунѣ вступленія германцевъ, части города, лежація на лѣвомъ берегу Сены, были совершенно спокойны, а тѣ изъ нихъ, которыя должны были быть заняты германцами, представляли картину совершеннаго запустѣнія: всѣ лавки были закрыты и жители не выходили изъ домовъ. Нѣсколько линейныхъ баталіоновъ занимали тюльерійскій садъ и карусельскую площадь, въ полной готовности дѣйствовать противъ вооруженныхъ шаекъ изъ предмѣстій, еслибы тѣ рѣшились предпринять что-нибудь противъ германцевъ.

Вступленіе германскихъ войскъ послѣдовало 1-го марта и прошло совершенно благополучно; сплошная толпа тѣснилась на главныхъ улицахъ и на бульварахъ, но держала себя серьезно и достойно. Правда, нѣсколько баталіоновъ національной гвардіи, изъ предмѣстій на правомъ берегу Сены, двинулись-было къ кварталамъ, занятымъ германскими войсками, но были задержаны войсками, поставленными у церкви Маделенъ, которыя ихъ уговорили вернуться обратно.

Въ занятіи Парижа участвовали части 6-го и 11-го прусскихъ и 2-го баварскаго корпусовъ. Рано утромъ, двинулись съ квартирьерами, баталіонъ 2-го насаускаго пѣхотнаго полка и эскадронъ 2-го гесенскаго гусарскаго, и дошли до зданія всемірной выставки на

оливейскихъ поляхъ. Всѣ назначенія къ вступленію въ Парижъ войска, къ 10-ти часамъ утра, были построены, на скаковомъ полѣ у болонскаго лѣса, въ двѣ линіи; въ первой линіи пѣхота, егеря и пионеры, а во второй кавалерія и артилерія. Императоръ произвелъ здѣсь смотръ войскамъ, послѣ чего они въ нѣсколькихъ колоннахъ двинулись черезъ булонскій лѣсъ и направились къ триумфальной аркѣ. Занятіе Парижа продолжалось недолго; 3-го марта германцы очистили городъ и отступили за линію Сены.

Кровавая и безпримѣрная борьба между Франціею и Германіею кончена; какъ ни тяжки испытанія нравственныя, какъ ни громаденъ матеріальный ущербъ понесенный Франціею, но борьба эта привела къ важнымъ для нея результатамъ, благодѣтельные плоды которыхъ не замедлятъ обнаружиться.

Прежде всего, Франція на вѣрное навсегда покончила съ бананартизмомъ, съ тѣми блестящими но паружности припичками, ослѣпляющими массу кажущимися успѣхами, которые управляли ею втеченіе послѣдняго двадцатилѣтія и привели къ тому, что богатая и цвѣтущая страна, населенная народомъ дѣятельнымъ, образованнымъ и предприимчивымъ, къ тому же воинственнымъ и имѣющимъ богатое славными преданіями прошлое, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны, оказалась безусловно лишеною всякой разумной возможности продолжать борьбу, связанною по рукамъ и ногамъ и принужденною покориться волѣ побѣдителя.

Причины поражений армій имперіи, такихъ поражений, какихъ исторіи еще не приходилось заносить на свои страницы, въ своихъ главныхъ чертахъ уже достаточно выяснены и коренятся въ принципахъ той бананартистской системы, которая погубила страну; но чему же приписать такой же полный неуспѣхъ тѣхъ новыхъ армій, которыя выставила республика, и пораженія которыхъ отнюдь не объясняются однимъ молодымъ составомъ частей, неопытностью начальниковъ и превосходствомъ непріятеля. Всѣ эти данныя, безъ всякаго сомнѣнія, вѣски и оказали свое вліяніе—но онѣ еще не все; есть одно болѣе важное начало, которое погубило арміи республики—это то нравственное разложеніе, тотъ грязный эгоизмъ, проникающій во всѣ отрасли управленія, во всѣ сферы гражданской жизни, которая осталась послѣ седанскаго плѣнника. Припомнимъ подрядчиковъ, ставившихъ обувь съ бумажными подошвами въ арміи Шанзи, Федерба и Бурбаки, интендантовъ, наворовавшихъ миліоны, между тѣмъ какъ войска голодали или замерзали отъ недостатка въ теплой одеждѣ. Вспомнимъ объ офицерахъ, хотя бы, на примѣръ, той же

арміи Бурбаки, которые, въ теплыхъ шубахъ и сытые, пальцемъ не пошевельнули, чтобы улучшить положеніе своихъ оборванныхъ, босыхъ и умирающихъ отъ голода и холода солдатъ. А этогь меръ французскаго города, который отказывается въ помѣщеніи и продовольствіи французскимъ войскамъ, идущимъ на непріятеля? Развѣ все это не жатва того же двадцатилѣтняго бамапартовскаго посѣва.

Франціи, одѣлавшейся отъ бонапартизма, угрожала другая важная опасность, это власть въ сѣти радикальной партіи и дойти до абсурда, такъ называемой соціальной республики, но отъ этой бѣдны спасло ее торжество людей умѣренныхъ и истинно преданныхъ странѣ, людей проникнутыхъ тѣмъ чувствомъ долга и тою любовью къ отечеству, которыя, безъ громкихъ фразъ и сумасбродныхъ порывовъ, но настойчивымъ и честнымъ трудомъ, стремятся къ общественному благу. Мы видѣли, каковъ составъ народнаго собранія и знаемъ въ чьихъ рукахъ находится теперь судьба Франціи; мы видѣли также, чѣмъ новое правительство успѣло заявить свою дѣятельность на первыхъ порахъ; намъ остается только пожелать, чтобы оно дѣйствовало и далѣе согласно набросанной Тьеромъ программѣ и исцѣлило тяжелыя раны, вынесенныя Франціею изъ неравнаго боя.